

Царевна-странница

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь с царицей. Не было у них детей. Приехали придворные в гостиницу и разговаривают: «Все бы в нашем царстве хорошо, только у государыни детей нет». И сидит странник-пророк. «Нет, говорит, ваша государыня в тягости!». — «Как ты говоришь? Мы всегда при дворе царском, да не знаем». — «Нет, говорит, она родит дочь, и, как пятнадцать лет ей минет, она будет везде летать-странствовать!». — «Что за пророк такой!..». Сейчас его схватили, заперли в чулан. Приезжают они к государю, докладывают, что «поехали мы вчера домой, заехали в гостиницу, встретили там пророка, пророчит, что у вас родится дочь и в пятнадцать лет будет везде летать-странствовать!». — «Привести его сюда!». Привели его к государю. Он, что тогда говорил, и тут то же сказал. «Посадить его в темницу на пятнадцать лет!».

Через несколько времени царица и говорит царю: «Чувствую, говорит, я, что я в тягости!». И приказал царь в земле выстроить комнаты, чтоб она (дочь) там жила, день и ночь все с огнем и чтоб мужского пола не видала. Родилась дочь, как окрестили ее, так в земле и держали. И государь приказал, когда она почивает, докладывать ему; ему доложат, он придет и посмотрит на ее красоту, и такая красота, что ни вздумать, ни взгадать. Так растет она не по дням, а по часам. Разные мамзели из разных земель учат ее, ходят за ней — день и ночь все с огнем — и не дают ей знать, что мужчины есть на белом свете. Время идет, становится ей пятнадцать лет.

Сделался у государя бал, и такое множество гостей. Нянюшки, мамушки пошли туда обедать: всякому хочется посмотреть, а она (царевна) почивала, проснулась, пошла ходить. А дверь-то последнюю не затворили, свет-то и видно, видит она необыкновенный свет. Она так удивилась, горько плачет! Вышла на двор, смотрит на всех так зорко. Видит: калиточка в сад, она пошла туда. Пошла в сад дальше и дальше, зашла в такую трущобу, сидит и плачет.

Пришли назад барыни-мамзели: нет царевны, царевна бежала!... «Ах, батюшки!... Кучера, не видали ли кого?». — «Стояла, говорят, какая-то барышня на крыльце, все плакала, пошла, говорят, в сад». Бросились все в сад; искали, искали, нашли. Эдакая радость! Стали ее уговаривать: «Пойдемте в свою комнату!». — «За что же, говорит, я сижу, не вижу

дневного света?». — «Не только вы, говорят, но вот такой-то царский сын так же сидит: на него никто женского пола не может смотреть!». Утешилась она этими словами, пошла домой. «Вот, говорят, сегодня папашенька ваш уедет, мы вам все покажем».

Уехали государь с государыней, эти мамзели ходили, ходили с ней (царевной) по дворцу. Видит она: лежит в клетке жар-птица мертвая, спрашивает, что это такое. «Так, говорят, она целый день спит крепко, а по ночам на ней папашенька летает». Идут дальше, отперли кабинет. Там множество портретов. Она и спрашивает: «Который же портрет того-то царевича?». — «Да вот, говорят, закрытый-то!». Открыла она, ахнула. «Может ли, говорит, быть такая красота?». И задумала она тут лететь к этому царевичу на жар-птице. Пришла домой, легла с вечера почивать рано, заснула. Вдруг все видят, что она почивает, легли спать.

Приходит полночь. Встала царевна, взяла пучок цветов, тихонько вышла. Часовые окликают: «Кто идет?». — «Царевна!..». Пропустили ее, прошла во дворец, прямо к жар-птице; жар-птица огромная сидит, крыльями машет. «Я, говорит, к тебе, жар-птица; нельзя ли мне вот туда-то слетать?». — «Ну, говорит, это первая твоя просьба, послужу тебе, послужу! . Села царевна на нее, полетели; летели, летели, прилетели в огромный лес, там два града каменных и 12 человек солдат на часах друг дружку перекликают. Как свистнула жар-птица, все эти часовые попадали. Жар-птица на окно влетела, а он (царевич), как книжку читал, так и заснул. И он во сне чувствует и будто видит эту красоту. Она его всячески тревожила, будила. Нет, почивает крепко. Жар-птица говорит: «Полетимте назад». Нечего делать, бросила пучок цветов ему на грудь, полетела. А этот сон-то жар-птица же на него напустила. Только они улетели царевич проснулся, спрашивает часовых: «Кто был?». Часовые божатся, клянутся: «Никого не видали!». А те назад прилетели рано, часа в два. Она опять так же прошла на свое место; все спят крепким сном. И жар-птица села в свою клетку.

Все нянюшки, мамушки утром встают: «Что-то, говорят, долго наша царевна почивает!». Встала она поздно, невеселая, такая невеселая ходит. «Ах, говорит, какой день долгий!». Ночью, как все уснули, опять во дворец. «Милая жар-птица! Свози еще раз!». — «Ну, садись, говорит, делать нечего!». А царевич так строго, так строго приказал караулить! Сам читает книгу, склышит: как часовые пели, говорили, а как жар-птица свистнула — так и заснули. Только жар-птица к нему подлетает, и он самым тонким сном спит, все слышит, видит ее, только глазами не может вскинуть: «Ах, Иван-

царевич! Какой ты спящий! Я за тысячу верст летаю, а ты все спишь». Жар-птица и говорит: «Пора ехать!». — «Жар-птица, позволь хоть четверть часа остаться!». Плакала она, будила его, оставила ему платок весь в слезах, полетела обратно. И солдаты вскочили, и царевич вскочил. «Что же это со мной?». У часовых спрашивает: «Кто был?». — «Никого не было». Прилетели те домой, еще не светало, жар-птица пошла на свое место и царевна на свое.

На другой день она долго, долго почивала. Мамки и думают: «Она все невеселая, верно, тоскует». Прошел день, приходит ночь. Опять царевна приходит к жар-птице. «Жар-птица! Свози ты меня к нему в последний раз, позволь только мне с ним поговорить. А там папашенька приедет, нельзя будет...». Согласилась жар-птица, полетели. Часовые как караулили, так и заснули; подлетает жар-птица к нему, он так тонко спит. Жар-птица полетела выше, на крышу. Он и проснулся. «Ах, говорит, это ты, друг милый, была у меня!». Оба плакали, плакали, обручились перстнями. Дали друг другу честное слово: ровно через год приезжать ему сватать... Несколько раз торопила жар-птица, сели, полетели. Летела жар-птица. Стало светать. Она все ниже, ниже, пала на землю.

Вот эта царевна плакала, плакала, забыла, что жар-птица только днем умирает, взяла отрезала ей крылышки, яму вырыла, закопала жар-птицу, а крылышки себе подвязала, чтоб легче идти. На дороге встретились с странницей, поменялась верхним платьем. Идет дальше. Приходит в одно государство, остановилась у хозяйки. «Что, говорит, у вас траур?». «Да был, говорит, у царицы один сын, да и тот без вести пропал». Узнала об этой страннице царица, призывает ее, спрашивает: «Какого вы рода?». — «Купеческого, говорит». — «Должно быть, вы ученые?». — «Да, говорит, так вот странствую сколько захочется. Что это, говорит, у вас за траур?». — «Да вот был у меня всего один сын, и тот, как в кабинете спал, так и пропал!». — «Позвольте, говорит, мне в этом кабинете спать, где он пропал...». — «Ну, чтобы вы еще пропали!». — «Нет, говорит, позвольте!». — «Коли угодно, извольте!». Осталась она в кабинете ночевать. Ночью нянька приходит, открывает ларец, вынимает три прута серебряных да золотых, стала по стене хлопать: выходит оттуда королевский сын, она его мучила, мучила, била, била, снова загнала, заперла, а странница все видит.

Приходит утром к ней царица: она жива. «Что, покойно ли почивали?». — «Я, говорит, осмелюсь доложить: нельзя ли няню куда отсюда на время удалить?». Царица приказала заложить карету. «Няня! Поезжай министра

поздравлять, он сегодня именинник!». Няня поехала, а эта странница взяла воды, принесла и огня. «Позвольте, говорит, вот этот ларец отпереть!». Открыла, достала золотые и серебряные прутья, взяла по стене три раза хлопнула серебряным прутом — стена разодвинулась, золотым ударила — Иван-царевич идет. Вышел он, она опять по стене серебряным прутом ударила, стена задвинулась. Государыня пала в обморок, она курит, вспрыскивает, привела их в чувство. Приказали эту няньку расстрелять. Царевич понемногу опомнился, предлагает ей выйти за него замуж. «Нет, говорит, я странствовать пошла, мне нельзя выходить замуж!».

Пошла она дальше, шла, шла, приходит в другое государство — и здесь все в трауре ходят. Пришла она к женщине к одной недалеко от дворца, спрашивает: «Отчего это у вас такой траур?». — «Да у нас, говорит, у государыни сын с ума сошел, каждую ночь по человеку ест». Вот эта странница приходит к царю. «Ваше царское величество! Позвольте мне стать на часы!». Она и говорит: «Чтоб он еще вас съел? Ведь он каждую ночь с ума сходит, на цепях сидит». Стала она на часы, в 12 часов он на нее бросился, у ней жар-птицы крылышки подвешены, крылышки встрепенутся — он и сядет. Во второй раз бросился — то же. В третий раз бросился — огонь и погас. Она ушла из комнаты за огнем и видит в поле огонек, пошла туда с фонарем. Идет, видит: сидит старуха-волшебница, перед ней котел кипит, под котлом огонь. «Что, говорит, это у тебя такое?». — «Как этот котел кипит, в нем сердце Ивана-царевича и бесится». — «Бабушка, достань мне огонька!». — «Возьми сама», — говорит. Та стала доставать, как палочкой кипятком из котла брызнет в глаза этой волшебнице, та и упала. Видит эта странница: точно, в котле сердце Ивана-царевича. Приходит она с фонарем в горницу, а он на цепях и не шевелится. «Благодарю, говорит, что огня принесла. Что это я, говорит, на цепях?». — «Так и так, вы с ума сходили, людей ели». Сам себе удивляется. Посылают утром придворные нянюшку посмотреть да косточки прибрать. Видят: она с ним разговаривает. Так обрадовались все. Он ее просит за него выйти замуж. «Куда, говорит, мне лезть в царскую фамилию?». Дают ей денег, не берет. «Довезите, говорит, меня вот да такого-то царства!» (т. е. до своего-то). Отбилась от этого жениха, поехала.

Приезжает домой, а жених уже два дня как приехал. Так все рады были, веселым пирком да и за свадебку. Стали жить да поживать.

(Село Котовка Ардатовского уезда Нижегородской губернии)

Великорусские сказки в записях И. А. Худякова. Издательство "Наука".
Москва-Ленинград, 1964.